

«...Папирос дайте!» часть 1

2009-06-02 18:35:16

Дым табачный воздух выел... В. В. Маяковский. Лиличка!

Иногда возникает ощущение - особенно когда смотришь на фотографии двадцатых, тридцатых, сороковых годов прошлого века, - будто в советское время курили все, кроме младенцев, пионеров и Владимира Ильича Ленина. Наркомздрав Н. А. Семашко (в этой главе будет много порожденных советской властью аббревиатур, так что читателю придется поднапрячь воображение, дабы догадаться, что к чему) вспоминал: «Владимир Ильич не только не курил сам, но строго запрещал курить другим во время заседания. Закоренелым курильщикам, томящимся выдерживать пост во время длительных заседаний СНК, разрешалось курить лишь за печкой, где они пускали дым в печную отдушину. Ильич в шутку тогда называл курильщиков «запечными тараканами».

А однажды при встрече с Семашко Ленин сказал ему: «Что вы не поведете борьбу с табачным зельем? Я поддержу вас». И, наверное, поддержал: в 1920 году Семашко убедил военное руководство страны, что курение вредно, и выдачу табака в армии отменили.

Однако широким фронтом советская власть так и не вступила в неравную борьбу с [табакокурением](#). К тому же «чадили» врачи, твердившие о вреде курения, пускали дымок члены правительства, попыхивали часовые и пограничники, дымили с экранов и в жизни артисты набиравшего популярность кино, «важнейшего из искусств».

А певцы? «Шаляпин жадно курил», - пишет мемуарист. Это не прошло мимо внимания Маяковского. «Что вы делаете? Разве вам можно курить?» - упрекнул как-то Владимир Владимирович Федора Ивановича. А между тем, и сам Маяковский был не безгрешен. Тот же мемуарист (А. Н. Тихонов, писавший под псевдонимом Н. Серебров) увидел однажды Маяковского таким: «Голову он подпирал кулаком, а в углу рта висела папироса». Образ Маяковского с папиросой настолько вжился в сознание всех знающих его по фотографиям и мемуарам (хотя поэт бросил курить в 33 года), что народный художник СССР Н. А. Соколов изобразил поэта в 1988 году с папиросой во рту.

Вот еще любопытный факт из истории поэзии: одно из самых известных стихотворений в русской поэзии XX века, написанное в 1930-е годы Александром Кочетковым, со знаменитыми строками «С любимыми не расставайтесь» (не менее известна и пьеса А. Володина под таким же заглавием) называется... «Баллада о прокуренном вагоне».

Вывод напрашивается такой: и поэты курили. Как и писатели. Как-то группа известных литераторов собралась для встречи Нового, 1924 года. Б. А. Пильняк (мы-то, читавшие его, думали - человек серьезный) подошел, по свидетельству мемуариста К. Л. Зелинского, к Л. Ю. Брик и «папироской прижег [воздушный] шар - глушительная вспышка». А вот еще случай: именины В. Д. Розановой. Те же двадцатые годы: «Сыт, пьян и нос в табаке! - вот как полагается. Вымазал я нос Вяч. Иванову. А после ужина перевернул с помощью именинницы качалку с Н. А. Бердяевым». Вот как, по воспоминаниям А. М. Ремизова, жилось в то время курящим людям.

«Смолили» шпионы - в жизни, на страницах книг и на киноэкранах, еще больше чадили контрразведчики, размышляя в прокуренных кабинетах над тем, как этих

шпионов изловить; а размышляя, непременно свешивали голову над пепельницей, полной окурков (эту гору специально сооружали все курящие члены съемочной группы - а курили все киношники - для того, чтобы продемонстрировать, сколько дум передумал хозяин кабинета). А еще курили (и в кино, и в книгах, и в жизни) шахтеры, учителя, геологи, рыбаки (о, эти вообще страшные куряки!), сексоты, футбольные тренеры, старпомы, завучи, помрежи, торгпреды, комсорги, физруки, повара, комэски, главбухи, старлеи, землепашцы, сталевары, парторги, комдивы (как командующие дивизиями, так и комсомольские дивы), ассенизаторы (этим без табаку никак нельзя), патологоанатомы (а поставьте себя на место одного из них, если вы некурящий, а вам предначертано по долгу службы произвести вскрытие), гэпэушники, энкавэдэшники, кагэбэшники, гаишники и представители множества других

Табак и сигареты

«…Папирос дайте!» часть 1

нужных и нужных, редких и распространенных профессий, населявшие необъятный СССР. Курили даже пенсионеры, оседлавшие все завалинки необъятной Родины, окутанной клубами табачного дыма! Пожарники, и те курили - работа такая, хотя могли бы и не курить столько дыма, бывало, за смену наглотаешься.

Притом надо заметить, что «наверху», во властных структурах (там, между прочим, тоже курили и курят до сих пор), отдавали себе отчет в том, что советский человек без курева не может. В 1931 году нарком пищевой промышленности А. И. Микоян в одном из своих выступлений заявил от лица представителей многих рабочих профессий: «Рабочий, крестьянин изнывают в труде и просят: дайте хоть немножко покурить. Трактористы, шахтеры хотят покурить - ведь без этого тяжело... На лесозаготовках говорят: “Дайте махорки!” На уборке - то же самое. Зернотрест прямо заявляет: “Хотите наладить уборку - папирос дайте”. Инженеры, приезжая с новостроек, говорят: “Все сделаем, дайте только папирос”. Нам заявляют: “Нужно заготовить масло, яйца и так далее дайте папирос - все сделаем”. Вот какое орудие теперь для экономической политики государства [папиросы](#)... А без махорки даже воевать нельзя. Махорка - это оборона. Это, правда, не пушка, не аэроплан, но и без нее на фронте трудно. После хорошего боя надо хорошо закурить. Считаться с этим надо... Когда люди перестанут курить - другое дело, а сейчас нужен табак».

Нужен-то нужен, да вот как сделать так, чтобы хоть в этой области обошлось без взлелеянного советской властью дефицита, пустившего корни даже там, где прежде было полное изобилие?

Перемены в области табачной промышленности начались после принятия декрета Совета народных комиссаров от 28 июня 1918 года, по которому все табачные фабрики перешли в собственность государства. Некоторые фабрики были национализированы (в [Петрограде](#) только в сентябре), некоторые закрыты, оставшиеся получили порядковые номера (то же было большевиками проделано с банями - а ведь бани веками были известны по фамилии владельца либо по месту расположения, и вдруг разом вся их история, все своеобразие были зачеркнуты).

С 10 по 15 октября (целую неделю!) в Москве проходил первый Всероссийский съезд работников табачного дела. Из протоколов съезда видно, с какими трудностями столкнулась налаживавшаяся десятилетиями табачная промышленность страны. Прошел всего год после «победоносного» большевистского переворота, и вот какими ощущениями от работы в новых условиях делится один из депутатов съезда: «Если мы хотим вывезти какой-нибудь товар из [Петрограда](#)... и обращаемся в Совет Народного Хозяйства, то мы ходим по 380 комнатам 5 или 6

недель и не можем добиться разрешения этого вопроса». Эх, знал бы товарищ депутат, что для того, чтобы добиться разрешения этого, да и многих других, крупных и мелких вопросов (и не только в близком ему табачном деле), придется ходить «по комнатам» еще много десятков лет! Табачная промышленность, по словам другого депутата, «представляет собою разбитое корыто». Жаркие прения разгорелись даже по поводу того, «где продавать и кто должен продавать [папиросы](#)». Видимо, депутаты успели за год забыть, как это было организовано совсем недавно. Наверное, в перерыве бегали в табачный ларек, на котором еще сохранилась вывеска какой-нибудь знаменитой прежде фирмы.

В 1921 году было образовано товарищество «Ларек» для розничной продажи табачных изделий. И сделано это было по инициативе Ф. Э. Дзержинского. Тогда он был председателем Деткомиссии ВЦИК. «Ларек», собственно, был создан главным образом с целью борьбы с возраставшей детской спекуляцией. Табачные изделия, особенно в пору дефицита на них, - ходкий и доходный товар, и дети первыми это понимают (пенсионеры - вторыми, после них в дело вступают правоохранительные органы, но очень неохотно, очень). В 1922 году [Петротабактрест](#) открыл в [Петрограде](#) шесть табачных магазинов. Оставалось ждать, когда наладится работа фабрик.

К 1918 году в стране осталось 11 табачных фабрик (из них 5 в [Петрограде](#)). Вот несколько характерных фраз из полемического выступления на съезде еще одного депутата: «Главное, что нас подкузьмило в [Петрограде](#), это отсутствие электрического тока. Все фабрики в [Петрограде](#) зависят от различных электрических обществ, и благодаря отсутствию тока некоторые фабрики работают 2 дня, как «Лаферм», правда, по 24 часа, другие работают 4 дня». Не было тока, не было также фанеры для ящиков, не было

папиросной бумаги (стали завозить из Финляндии), и, главное, «подкузьмили» специалисты, которые

Табак и сигареты

«…Папирос дайте!» часть 1

растворились, как [табачный дым](#), вместе с током и фанерой.

Еще в 1917 году в [Петрограде](#) была не одна сотня табачных лавок (только Е. А. Семенова и П. С. Андреев держали по 10 магазинов), не говоря уже об уличных киосках, фирменные магазины были у Шапшала, «Оттомана», Богданова. А к 1918 году вдруг встал вопрос - «где продавать [папиросы](#)»? (Вопрос «что продавать» был менее актуален, т. к. оставалось множество старых запасов.)

6 октября вышло постановление петроградских властей о «муниципализации» (т. е. принудительной передаче в ведение органов местного самоуправления) торговли табачными изделиями с запрещением продажи их частными торговыми предприятиями. Вслед за тем появилось правительственное распоряжение, установившее полную государственную монополию на ряд товаров, и среди них видное место принадлежало «изделиям фабрик желтых Табаков, махорочных, сигарных и гильзовых».

Одним из следствий этих распоряжений и запрещения частной торговли (на смену которой пришел натуральный обмен, то есть советское государство взяло на вооружение экономический порядок первобытного общества) явилось то, что только на толкучих рынках можно было «разжиться» «старорежимными» папиросами и махоркой-самосадам, производившейся в деревнях. В годы нэпа сигареты не курили, но разнообразных папирос, остававшихся от прежнего времени было немало. Торговали ими в ларьках Лентабакторга ([Петротабактрест](#), как водится с трестами, лопнул). Обыкновенно в таком ларьке сидел инвалид Первой мировой войны, торговавший «Сафо» (эти сигареты курил С. А. Есенин до отъезда в Ленинград в декабре 1925 года, и есенинская пачка сохранилась до сих пор!), «Невой», «№ 6», «Трезвоном», «Октябриной», «Купишь-куришь», «Тары-бары». В табачных магазинах выбор папирос был больше - тут были еще и «Сальве» (что, кстати, в переводе с латинского значит «Здравствуй!» - несколько, я бы сказал, язвительное пожелание любителю подымить), и «Каприз», и «Зефир», и «Жемчужина Крыма», и «Америкен», и «Коминтерн», и «Дюбек». А еще были «Пушки», «Медок», «Эльтет», «Смычка», «Совет», «Ада», «Степан Разин», «Выгодные», «Штандарт», «Осман № 3», «Босфор», «Деловой клуб», «Новый сорт», «Кадо» (от французского «cadeau» - «подарок»), «КЗ-го», «Бабочка», «Цыганка» - кури не хочу!

Перемены затронули и названия табачных фабрик. Число фабрик сократилось, а те, что остались, стали называться так: фабрика Шапошникова в 1918 году стала «3-й государственной табачной фабрикой им. тов. Троцкого». В 1917 и 1918 годах в городских справочниках указывалось, что здание по Клинскому проспекту, 25, по-прежнему принадлежит товариществу табачной фабрики «А. Н. Шапошников и К». В документах архивного фонда Земельного подотдела Ленинградского губернского отдела коммунального хозяйства, в описании земельного владения по Клинскому проспекту, 25, указано: «Бесплатно предоставлено 3-й государственной табачной фабрике им. Троцкого отдельных зданий или строений числом - 1».

В документах архивного фонда Ленинградского табачного треста, в деле о регистрации устава треста за 1927-1928 годы, в описи земельных участков, предоставленных ленинградскому государственному табачному тресту, имеются сведения, что постановлением Ленинградской губернской комиссии по рассмотрению списков национализированных строений Ленинграда от 19 января 1927 года участок по Клинскому проспекту, 25, признан национализированным и закреплен за 3-й гостабфабрикой имени Троцкого.

В 1920 году на этой фабрике было произведено около 285 миллионов папирос и 1,2 миллиона фунтов табака, а в 1921 году папирос - 390 миллионов и табака - 1,8 миллиона фунтов. С введением новой экономической политики (НЭП) табачное производство стало расти, но к концу 1920-х годов оно резко пошло на спад. Тут еще и перемена в названии фабрики произошла. В 1928 году, в связи с тем, что Троцкий попал в опалу, фабрика стала называться «3-ей табачной фабрикой им. Клары Цеткин».

В 1930 году, 1 мая, вышел в свет первый номер «газеты рабочих и служащих 3-й государственной табачной фабрики им. К. Цеткин» - «Голос табачника». Тон газете задал материал, опубликованный в номере от 15 мая под названием «Молодцы, сигарочницы!»: «На первомайской демонстрации комсомольская ячейка сигарного цеха послужила примером всем остальным. В то время как другие комсомольцы, постояв продолжительное время у Технологического института, понемногу стали расходиться, комсомолки сигарочницы до конца были на демонстрации.

Молодцы, сигарочницы! Стыд и позор комсомольцам других цехов, покинувшим нашу колонну».

Табак и сигареты

«…Папирос дайте!» часть 1

Почерпнуть какую-то информацию о производстве табачных изделий из этой напичканной пропагандисткой шелухой газеты с портретами большевистских вождей невозможно. Перелистываешь номер за номером, год за годом - и все одно и то же: «... комсомолки-ударницы сознательно приходят на работу с накрашенными губами и намазанные». «В рабоче-крестьянской стране нет места эксплуататорскому празднику рождества христового» (именно так, с маленькой буквы!). В цехах, между тем, пыль столбом («за 3 шага не видно работницы»), кругом «вредители», прогульщики, пьяницы, воровство... Картина по прочтении этих газет складывается такая, будто люди только тем и занимались, что постоянно боролись с мнимым врагом или друг с другом и не помышляли ни о чем другом. Жуткая, безрадостная, мрачная картина под названием «социализм»... Пролистав эту газету за несколько лет, я лишь однажды наткнулся на сообщение о том, что табак на фабрику поступал из Кахетии, Мингрелии, Гурии и Аджарии, что на фабрике производились папиросы «Нева», «Девиз». Все остальное - лозунги, призывы, требования:

Чтоб качества кривая вверх летела, - Не стой в цеху, разинув рот без дела!

Находились - в духе Маяковского - поэтические строки и для ударниц:

Штрихами своего пера

Я имя ваше

В памяти дней

Готов высечь

За то, что миллион папирос

Ты дала вчера,

А сегодня - миллион и сто тысяч.

«Лаферм» в 1918 году, по предложению правления Петроградского табачного комитета, превратился в «1-ю народную табачную фабрику». В ноябре 1923 года она стала «1-й табачной фабрикой им. Урицкого». Моисей Соломонович Урицкий был убит в 1918 году. Ему так и не доведется узнать, что его фамилия еще долгие десятилетия будет жить в названии одного из крупнейших табачных производств страны. Не узнаем и мы, кому пришлось в голову назвать табачную фабрику, известную всей Европе, именем председателя петроградской ЧК.

В 1918 году на фабрике появился первый рабочий клуб, названный в честь большевика Д. Яковлева, некогда трудившегося на «Лаферме» (погиб в Гражданскую войну). И в том же году на фабрике была создана одна из первых комсомольских организаций в городе.

А вот с производством табачных изделий дела здесь шли плохо. В 1921 году оно составило 15% от уровня 1913 года. Зато в 1924 году на фабрике была открыта поликлиника, ставшая со временем одной из лучших в Василеостровском районе.

В ноябре 1924 года вышли в свет первые три номера стенной газеты табачников 1-й государственной фабрики им. тов. Урицкого (сохранились до сих пор, хотя и стенные). В 1925 году газета была переименована в «Табачник Урицкого», в 1926 году не выходила вовсе, а в 1927 году стала называться «Красная табачница».

После нескольких лет застоя в табачной промышленности в 1920-е годы началось оживление частного предпринимательства, что способствовало насыщению рынка табаком - поначалу, правда, одной махоркой. На прилавках петроградских магазинов стало появляться курево московского и ростовского производств. Постепенно встали на ноги и задымили фабрики им. Урицкого и Клары Цеткин, год от года увеличивавшие объемы производства. В 1925 году фабрика им. Урицкого превысила объем производства на «Лаферме» 1913 года.